

Наталья Белкина

*Vita nova,
nova...*

Наталья Белкина

Vita nova, nova...

«Издательские решения»

Белкина Н.

Vita nova, nova... / Н. Белкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744419-8

Время... Прошлое, настоящее, будущее... Кто только не пытался постичь его загадку. Но сколько еще осталось в нем тайн! Но времени не существует вне человеческих судеб. Миллиарды их проходят сквозь время, а время проходит сквозь них... Здесь вы прочитаете о судьбах одной девушки по имени Лун из древнего племени протохронов — людей, помнящих свои прошлые жизни, словно вчерашний день. Вы пройдете вместе с ней, точно Данте по кругам ада, через все ее жизни, и каждая из них станет новой жизнью — *vita nova*...

ISBN 978-5-44-744419-8

© Белкина Н.

© Издательские решения

Vita nova, nova...

Наталья Белкина

© Наталья Белкина, 2018

ISBN 978-5-4474-4419-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все началось с этого послания. «Если Вы хотите изменить свою жизнь, – говорилось в нем, – Вы откликнитесь на наш призыв». Прочитав это, я собралась было выбросить отпечатанное на машинке письмо в мусорную корзину, решив, что это эпистола очередного кандидата в депутаты. Но одно обстоятельство меня остановило: у кандидатов обычно есть деньги на компьютер и принтер, и никто даже из их ближайшего окружения не стал бы отбивать пальцы на очень старой, судя по шрифту, печатной машинке. На конверте не было никаких почтовых отметок, зато имелась недурная, верно стилизованная под старинную марка с изображением какого-то мраморного бюста.

«Мы избрали Вас, потому что считаем, что Ваш талант может послужить благому делу». Какой еще? – не поняла я вовсе, отказываясь припомнить за собой хоть один талант. «Подумайте, хотите ли Вы принести пользу многим и, прежде всего, самой себе? Если Вы решитесь на перемены в своей жизни, то ждите звонка». А если не решусь? Если мне вообще это не надо? Как вы собираетесь узнать об этом, олухи?!

О письме я забыла через пару минут, оставив его на журнальном столе. Меня ждала моя работа, которую я ненавидела вот уже восемь лет.

Быть учительницей химии в маленьком городишке, где все друг другу если не родственники, то уж точно кумовья, – незавидная участь. Я была бездарным педагогом, мне это было ясно. День за днем я монотонно выполняла свою работу, ежедневно утешаясь лишь тем, что не за горами каникулы и отпуск, если он, конечно, был не за горами. В начале учебного года или четверти я всегда чувствовала себя убитой и подавленной. Мои ученики были для меня толпой и стадом недоумков. Я старалась объяснить материал как можно доходчивей и злилась на то, что они не могли понять элементарных вещей. Всегда с трудом запоминая их имена, никого из них я не узнавала за пределами школы. Коллеги меня почти не замечали, возможно, потому, что я сама не хотела никакого внимания с их стороны. Редко появляясь в учительской, я стремилась сразу же после уроков и проверки тетрадей уйти в свой тихий мир. Заслуженные учителя, которые пользовались всеобщим уважением, вызывали во мне раздражение. Но я раздражалась лишь на себя, потому что понимала: в этом нелегком деле я уж точно не могла назвать себя настоящим профессионалом и осознавала при этом, что крест сей мне придется волочить всю жизнь.

Мысли о переменах в моей судьбе не раз приходили мне на ум, но... Я как и многие коренные провинциальные жители перемен боялась и позволяла только иногда помечтать о чем-то новом в своей жизни. Так я могла представить себя матерью детей или женой мужа.

Детство... Все проистекало из него. Я всегда была слишком впечатлительной и все замечания по поводу своей наружности близко принимала к сердцу. И уже будучи взрослой и самостоятельной женщиной, я обнаружила в старом «Огоньке» репродукцию картины Хусепе Риберы. Выдрав лист с корнем, я поместила его под стекло в рамку и повесила над своей кроватью. На ней в весьма реалистичной манере был изображен мальчишка – оборвыш с улыбкой до ушей. Называлась картина «Хромоножка». Так меня дразнили в детстве. Хотя тогда это было еще не так заметно как сейчас...

Мои подруги зачем-то стремились проявлять ко мне участие. Иногда я принимала их приглашения на какие-нибудь компанейские посиделки, зная заранее, что они будут со своими давними друзьями или мужьями. Что ж, тридцать лет – это возраст, когда тебя повсюду ждут только в паре. Но пара для меня почти всегда была уготована. И почему благополучные в личной жизни всегда одержимо стремятся устроить чье-то еще счастье?

Так вот: не далее чем позавчера я присутствовала на подобном мероприятии. Стыдно вспомнить. Впрочем, мне всегда стыдно вспоминать о чем-то подобном. Я одна всегда оказываюсь в глупейшем положении. Да может быть еще тот, кого приглашают, чтоб составить мне пару. Вот он садится со мной рядом за столом, подливает, подкладывает, танцевать приглашает только на медляки. Наверное, его предупреждают заранее о моей особенности. Но я подлая. «Вы были два раза женаты? Хорошего мужа два раза не бросают», «я вижу, что из всех угощений вы предпочитаете водку?», «Вы любите пофилософствовать, я смотрю, что называется „поговорить за жизнь“, верно? А как вы оцениваете теорию Карла Густава Юнга?» Никто из приглашенных «посаженных» женихов не пытался продолжать со мной знакомство. Зачастую я была рада этому.

Вот и в этот раз ко мне приставили кавалера. Он отличался от тех прошлых моих ухажеров. Ну, еще бы! Во-первых, он был психологом, имел свою практику в нашем городишке и не дурно зарабатывал по нашим местным меркам. Во-вторых, он был старше и серьезней тех незрелых в области мозгов юношей, которых мне обычно рекомендовали раньше. Ну и, в-третьих, его нисколько не опечалила моя надменная холодность. После ненавязчивой попытки начать со мной беседу он отдалился на расстояние и весь вечер даже не смотрел в мою сторону. Будь я раскрасавицей, могла бы обидеться. Но я только усмехнулась про себя и даже вздохнула облегченно. Потом из вежливости посидела еще, произнесла короткий (да отвяжитесь вы от меня!) тост за здоровье подруги и скользнула в прихожую.

Я решила уйти тихо, чтоб избежать визгливо-настойчивых упреков и притворно-пьяных сожалений. Я не могла терпеть ничего подобного. Дня через два, когда Маринка наконец-то очнется от загула, она позвонит мне и станет расспрашивать, как все прошло, дескать, она ничего не помнит. Поэтому мне и не придется извиняться перед ней за английский уход. И вот когда я, уже одетая и обутая, начала разбираться с замысловатым замком, раздался совершенно трезвый оклик:

– Уходите? – я обернулась. – Правильно делаете. Таким как вы здесь делать нечего.

Тон психолога меня слегка зацепил. Что он имеет в виду? Хочет обидеть? Задеть? Отомстить за мою спесь?

– А где мне есть чего делать? – поинтересовалась я настороженно.

– Хотите поговорить об этом?

Я рассмеялась настолько громко, насколько могла себе позволить в данной ситуации. Фраза была анекдотичной, чего еще!

– А я серьезно, – лишь слегка улыбнувшись, отозвался психолог (тогда я не могла вспомнить его имени). Он протянул мне свою визитку той же рукой, в которой держал дымящийся окурок.

– Ох, какая же я невежливая, – пытаюсь исключить кокетливый тон, призналась я. – Уж, простите!

– Ирония вам к лицу.

– Спасибо. Хотя чувствую, это вовсе не комплимент.

– Разумеется, нет.

– Но и не чистая правда, конечно?

– Как Вам угодно...

– Прощайте, – отрезала я, но визиткухватила. Не каждый день кто-то давал мне свою визитку.

Я забыла бы об этом случае, но он что-то никак не забывался. Что-то не давало мне покоя. Почему он себя так со мной вел? Что себе возомнил? Зачем дал мне свои координаты? При чем координаты не только рабочие, но даже домашние. В карточке значилось, что он «может оказать экстренную психологическую помощь на дому в любое время дня и ночи». Ах, вот почему жена ушла от тебя, – злорадно подумала я, прочитав эту строчку, – ты слишком часто оказывал психологическую помощь на дому, видимо. Позвонить? Мне очень хотелось выяснить до конца одну вещь: зачем он вышел в прихожую, если весь вечер внимания на меня не обращал? Был ли это интерес психолога, обнаружившего в моем лице интересный экземпляр для изучения, или это пресловутый мужской интерес? Ну, да, да! Не до такой же степени я закомплексована, чтоб полагать, что никому не смогу просто понравиться! Но все-таки я склонялась отчего-то к первому варианту.

И я позвонила. Через три дня. Он сам подошел к телефону. Узнав, кто я, он, абсолютно не удивившись, осведомился, с какой целью я обратилась к нему.

- Сколько стоят ваши услуги?
- Вам нужна помощь психолога?
- Да. Вы единственный профессиональный психолог, которого я знаю.
- Не так уж хорошо вы меня знаете.
- Так вы не примете меня?
- Приму.
- Каковы же ваши расценки?
- На месте договоримся.
- Хотелось бы все-таки знать заранее. Знаете ведь, где я работаю и какая у меня зарплата.
- Пусть вас это не беспокоит.

Мы договорились о времени, хотя в тот момент, произнося «до встречи», я была уверена, что встречи не будет. Во-первых, мне жаль было своих кровных денег, а во-вторых, я боялась, что он подумает, будто я за ним бегаю. Это, бесспорно, было глупо и по-детски. Взрослый серьезный человек назначил мне время, возможно, ему пришлось отказать кому-то из клиентов. Ну, что за ребячество! А впрочем, удивится ли он? Наверняка решит, что это достойно придурковатой и спесивой училки. Да ну и пусть!

Но я все-таки пришла в нужное время без опозданий. Как я решилась? Да просто. У меня закончились уроки, настроение было препаршивое, поскольку только что началась третья, самая длинная четверть. Я получила нагоняй за бездарно подготовленное занятие от внезапно явившейся ко мне на урок директрисы. Предо мной возвышались шесть тетрадных стопок, которые предстояло проверить самым тщательным образом, поскольку я попала теперь на особый контроль у начальства. Я смотрела на них отрешенно и чувствовала покаяние в веках и потребность хоть кому-нибудь пожаловаться. Да, кому!? Не подружкам же моим благополучным! Они и так меня вечно жалеют, подкармливают, одежду ношеную подбрасывают. Да чем они могут мне помочь, замужние, удачливые, обеспеченные? Ничем... А поговорить хотелось. Вот тогда я и пожалела о том, что пропустила встречу с психологом. Хотя...

Как оказалось, прием у психолога я вовсе не пропустила. Просто эта мысль так прочно укоренилась во мне, что я стала считать это уже делом прошлым и свершившимся. Встреча должна была произойти именно сегодня и, более того, если бы я поторопилась и, забыв об экономии, отправилась на другой конец города на такси, а не на общественном транспорте, то вполне могла бы успеть. Я тут же собралась, не дав себе все еще раз взвесить и обдумать. Надоело!

Так я успела в срок. Беспокоило меня только то, что я не успела как следует подготовиться к этой встрече. У меня просто не было времени на сборы. Я появилась на пороге его стильного кабинета с евроремонтom и мягкой мебелью в дурацком костюме классной дамы, который сшила сразу после окончания пединститута. И без того небрежный макияж «на ско-

рую руку» был слегка смыт нелегким рабочим днем. В руке – огромная авоська с кипами тетрадей, которые надо было проверить к завтрашнему дню; под мышкой – старомодная сумочка, подаренная одной из сердобольных моих приятельниц. Было бы у меня время подготовиться, я бы оделась попримечательней и причесалась получше. Хотя, что было горевать? В самом наилучшем виде, на дне рождения Маринки, ему лицезреть меня уже доводилось, так что удивить его я все равно не смогла бы.

После того как мы поздоровались весьма сухо, он предложил мне устроиться как можно удобней. В его кабинете стояла приятная мебель и обязательный диван.

– Нет, лечь на диван я не стану, – сразу отрезала я. – Неужели кто-то действительно чувствует себя комфортно, укладываясь плашмя в кабинете малознакомого человека? Я даже дома не позволяю себе валяться на диване просто так.

– У разных людей разные понятия о комфорте, – спокойно возразил доктор, вынув при этом руки из карманов.

– Ну, да. Понятно.

– Можете просто взобраться на диван, сняв обувь. Или вы себе и дома такого не позволяете?

Иронизируешь? Это же непрофессионально! Только ботинки-то я точно не сниму! Я носила специальную ортопедическую обувь и показывать это никому не собиралась. По этой же причине я еще лет пятнадцать назад навсегда распрощалась с юбками.

– Позвольте мне самой выбрать свое местоположение, раз уж я пришла на прием к психологу, а не к прокурору.

– Извольте.

– Я сяду за стол. Привычка, знаете ли...

– Ради бога.

– Благодарю.

– Пожалуйста.

Анализируя тем же вечером нашу беседу, я пришла к выводу, что выпендривалась слишком.

Расположившись за столом напротив него, я сразу поняла, что ничего не смогу ему рассказать. Слишком уж все выглядело официозно и натянуто. Он, однако, вовсе не тушевался, но все равно молчал. Тогда я решила начать первой:

– Почему вы тогда сказали, что таким, как я, здесь не место?

– Здесь?

– Там. Ну, вы поняли.

– Это было субъективное мнение. Мне не стоило так говорить.

– Конечно! Это было непрофессионально.

– Я ведь с вами тогда не как профессионал разговаривал.

Да, действительно, что я к нему привязалась? Но нужно было хоть что-то говорить. Не люблю неловких пауз.

– Так о чем вы хотели поговорить? Какие у вас проблемы? – задал он, наконец, наводящие вопросы и откинулся назад в своем гуттаперчевом кресле.

Я вздохнула, уставилась в поверхность стола, рассматривая деревянные узоры. Необходимо было сконцентрироваться и перестать ерничать. А о чем я собиралась говорить с ним? Можно подумать, я знала...

– Вам нравится ваша работа? – решил он помочь.

– Да, – соврала я и этим совсем отрезала путь к откровенности. Кажется, и он это понял, потому что, помолчав некоторое время, предложил:

– Закурите?

– Не курю, – ответила я, совершенно замыкаясь.

- Бережете здоровье? – видимо он не терял надежды разговорить меня.
- Пока да.
- И алкоголем, конечно, не увлекаетесь?
- Пока нет.
- Вы ведь не случайно два раза подряд употребили слово «пока»?
- Может и не случайно.
- И когда же вы, в таком случае, предполагаете обрести эти пагубные привычки?
- Когда выйду из детородного возраста.
- Он вскинул брови.
- Интересно. Гм... Вы следуете какому-то вероучению?
- Вероучению? Еще чего! Я атеистка.
- Но это походит на какое-то религиозное или философское учение.
- Ничего подобного! К тому же религия и философия – это не одно и то же.
- Да. Спасибо, что напомнили... И все же, чья это концепция насчет детородного возраста и все такое?
- Да какая еще концепция!? А впрочем, ну и пусть концепция. Моя.
- И в чем ее суть?
- Пока женщина находится в детородном возрасте, она не может наносить вреда своему здоровью, потому что несет ответственность за будущее человечество.
- Очень патетично.
- Острие?
- Ни в коем случае! Так вы считаете себя ответственной за будущее человечество?
- Это, по-вашему, глупо?
- Я этого не говорил. Мне любопытно просто, а что же после наступления недетородного возраста?
- Пользы от тебя уже никакой, ты уже практически принадлежишь земле и потому можешь травить организм в свое удовольствие. Ты уже никому не навредишь и ничего не изменишь.
- Потрясающе, – прогудел он в кулак и хмыкнул.
- Даже полной дуре стало бы понятно, что он смеялся надо мной, психолог фиктивный!
- Можете ухмыляться сколько вам угодно, – не слишком галантно огрызнулась я. – Мне жаль, что я у вас время отняла. Пойду, пожалуй.
- Я поднялась со стула.
- Да постойте! – все еще продолжая улыбаться, воскликнул он.
- Да нет уж, я пойду. У меня работы видите сколько, – устало и вполне уже спокойно ответила я и вытащила из-под стола напоказ авоську с тетрадками.
- Он даже не взглянул на нее, вышел из-за стола проводить меня.
- Так работа ваша не по душе вам?
- Я остановилась на пороге и посмотрела на него достаточно красноречиво, так что и без слов должно было быть понятно: ну, разумеется, я ненавижу ее.
- А что же по душе? – стал он допытываться, пытаясь, наверное, свой профессиональный долг до конца выполнить, чудак.
- Не знаю, – вздохнула я зачем-то. – Я устала очень. Сама не знаю, чего хочу...
- Странно. Почему-то я не вышла за дверь, а прислонилась к стене и даже забыла на пару секунд, где нахожусь.
- Вот уже тридцать лет я не знаю, чего хочу от жизни. Все идет не так, словно не по тому сценарию, который был изначально для меня написан. А по какому-то иному, бездарному, лишённому смысла, дурацкому плану.
- Никогда не поздно начать новую жизнь, – услышала я голос будто откуда-то издали.

– Я не уверена, что хочу ее начинать. Мне вовсе не новая жизнь нужна.

– А что же?

– Может быть только одно единственное зерно, из которого может вырастить что-то важное или хотя бы полезное. Да. Именно это мне нужно сейчас.

Мысль моя на этом остановилась. Иссякла. Как она вообще родилась – непонятно. И я устыдилась своих откровений, встрепенулась, одернулась, выпрямила спину. Психолог задумчиво помалкивал.

– Теперь уж мне точно пора, – сказала я и поспешно открыла дверь. – Всего хорошего! Прощайте.

Я ругала себя, за то что разоткровенничалась. Спускаясь по лестнице вниз, я почти вслух произносила проклятья в свою сторону, как вдруг меня обожгло. Оплата! Ой, дура! Что он подумал обо мне! Мне пришлось возвращаться, и теперь было сложнее подниматься на четвертый этаж. «Гвозди наших сапог притягивают нас к земле», – изрекла я про себя. Без стука ворвалась в его евродверь, а он не успел даже сесть на свое рабочее место, стоял перед шкафом с коньяками. Выпить после моего визита захотел?

– Прошу прощенья! – воскликнула я, запыхавшись. – Совершенно вылетело из головы. Сколько я вам должна?

– Я счет вам вышлю, – усмехнулся он опять.

– Счет? Это вроде тех, что присылают за электричество и газ?

– Вроде того.

– Ну, хорошо, прощайте еще раз.

* * *

Доставая сегодня утром конверт из почтового ящика, я подумала, что это тот самый счет. С моего визита к психологу прошло около двух месяцев, а я его так и не дождалась. Это мучило меня и не давало покоя. Я предполагала, что письмо могло затеряться на почте, что его вытащили из моего ящика, и теперь господин доктор думает обо мне бог знает что. А так не хотелось, чтоб обо мне плохо думали... Иногда мне приходила в голову мысль, что он просто решил проявить благотворительность и не брать с нищей одинокой училки денег. Но эта мысль очень уж уязвляла мою гордость.

На всякий случай я решила проверить, сохранилась ли у меня его визитка. В моей сумке не так легко было что-то отыскать. Достаточно вместительная моя учительская полусумка – получемодан была набита разным хламом, который я из-за лени своей выкидывала лишь раз в год или два, а так же если посчастливится приобрести или получить в дар новую тару для барахла. Ворох бумаг, исписанных фамилиями, оценками, цифрами, формулами, – от этой муры мне становилось как-то сразу тошно. Сломанная расческа, кошелек, в котором к концу месяца оставались только жалкие гроши, фантики от леденцов, какие-то справки и квитанции, чеки, господи! – цветок высушенный (когда-то сорвала побег монстеры, собираясь воткнуть в горшке, да забыла), – а вот и она. Довольно-таки уже замызганная визитка отыскалась. Я пробежала глазами по цифрам, взялась за телефонную трубку, но вдруг...

Пронзительный телефонный звонок, от которого я даже подпрыгнула. Через две секунды я улыбнулась и сама себе покачала головой: надо же, такое напряжение. Наверняка Маринка.

– Аллю, слушаю.

– Ну, как? Вы решились? – прозвучал в трубке неприятный голос.

– Вы не туда попали, – ответила я, вздохнув с облегчением, и задержалась на несколько секунд, чтоб услышать положенные в таких случаях извинения. Но не дождалась:

– Да нет, я уверен совершенно, что попал именно туда, куда хотел.

Что-то мне сразу стало не по себе.

- Вы кто? – стараясь не показывать волнение, спросила я.
- Вы верно знаете.
- Ничего я не знаю.
- Тогда возможно догадываетесь.
- И не догадываюсь. Можно не морочить мне голову и все объяснить?
- Вы получали письмо?

Ах, письмо! Вот оно что! Как же мне стало досадно! Всегда неприятно осознавать, что стала жертвой какого-то проходимца или того хуже – шутника. Владелец противного голоса сразу представился мне каким-то мошенником, который решил, что я попала на крючок. Это меня возмутило.

- Так это вы прислали мне эту чепуху?!
- Чепуху?
- На дураков рассчитываете?
- На дураков?
- Послушайте: я атеистка и ни в какие секты не пойду! Не звоните и не теряйте времени!

Всего хорошего!

Я с внутренней злостью положила трубку. Почему-то ни малейшего сомнения в том, что телефон зазвонит снова, у меня не было. И он зазвонил. Может это кто-то другой?

- Да?
- Именно этот ответ мне и был нужен, – проскрипел давешний гадкий голос и тут же сменился пронзительными гудками.

– Что за.., – только и успела промямлить я растерянно.

Трубка некоторое время оставалась в моих руках. Я не могла сообразить, что делать дальше. Только одно я понимала: кто-то бесцеремонно вторгся в мою жизнь. Он что-то обо мне знает. Пишет письма на мой адрес. Ему известен мой телефон. О, боже!

Тут же бросившись к входной двери, я посмотрела в глазок. На лестничной площадке снова не горела лампочка, сквозь окно лишь светились фары проезжавших мимо машин и ползали тени. Я лихорадочно защелкнула все два замка и осмотрела прихожую: не подпереть ли еще чем-нибудь дверь? Да, что за психоз?! Ну, подумай сама, какой-то шутник довел тебя до панического страха. И радуется теперь. А ведь это может быть один из учеников, из тех, например, которым светила двойка за четверть. Вот это ближе к реальности. Вот глупая!

Я начала успокаиваться и даже вспомнила, что собиралась звонить психологу. Но был уже одиннадцатый час вечера. Звонить было неудобно, хотя на его визитке и было написано «обращаться в любое время». Проверив еще раз замки, я отправилась спать. И на всякий случай отключила телефон. Звоните теперь сколько угодно, уроды!

Но спать я, конечно, не могла. Слишком много мыслей роилось в голове. Впервые за очень долгое время я получила большую встряску: в висках стучало, сердце ныло и боялось, мозг не хотел засыпать. Я ворочалась с боку на бок, ерзала, сбивая простынь, и, наконец, села и включила абжур. Надо было все выяснить, иначе не уснуть.

Я встала, прошла на кухню, поставила на плиту кофе, включила телефон. Единственная возможность успокоиться – ответить на звонок. Я даже не могла просто сидеть на стуле: села на пол рядом с телефонной тумбочкой.

Звонок раздался через десять минут после того, как я выпила третью чашку кофе. Я снова дернулась, хотя до этого внушала себе спокойствие. Взяла трубку после четвертого звонка.

- Алло.
- Молчание.
- Я готова вас выслушать.
- Еще несколько секунд тишины и:
- Я рад, что вы решились, – тот же гадкий скрип.

– Я пока только решилась послушать, что вы скажете.

– А что вы хотите услышать?

– Скажите, как мне от вас избавиться, как покончить со всем этим абсурдом и обрести прежний покой?

– Вы хотите обрести прежний покой?

– Перестаньте, наконец, отвечать вопросом на вопрос!

– Ответьте на последний. Хотите обрести прежний покой, вернуть старую жизнь?

– Да, хочу!

– Вы уверены?

– Снова вопрос!!!

– Вы уверены? – настойчиво и зло повторил голос.

Я набрала полные легкие воздуха. Все это время, в течение которого я вела беседу с каким-то безумцем, мне казалось, что ничего подобного не может происходить в реальности. Уж не сплю ли я? Бессмысленность и неясность ситуации ставили в тупик зачатки моего логического мышления. Я не могла представить себя в подобных обстоятельствах раньше: может быть действительно жила слишком просто? Или косо?

– Ну, допустим, я не уверена, – выдохнула я, но не до конца.

– Тогда ждите...

– Эй, постойте-ка! – крикнула я вслед доносящимся гудкам. – Да что за черт!!!

Трубка грянулась о пол и треснула. Я осталась сидеть там же на полу в полном недоумении и растерянности. Теперь не могло быть и речи о спокойном сне. Я мельком взглянула на будильник: третий час. Как-то машинально прошла в ванную (там у меня что-то вроде кладовки) и отыскала изоляцию. Так же в забытьи неаккуратно перемотала трещину на трубке синими полосками. Теперь она стала звучать с хрипотцой. Набрала знакомый номер. Долго длились гудки, потом злой и заспанный голос:

– Да чтоб вам! Кто это!?

– Это я, Маринка! Не ругайся, у меня ЧП.

– Алё! Кто это? Говорите громче, раз уж приспичило звонить среди ночи!!!

Трубка: я верно повредила микрофон. Постучала по ней, подула и повторила громче:

– Это я!

– Дрогина, ты что ли? Ты в своем уме?! Знаешь, который час? Да что у тебя стряслось?

– Ничего особенного, всего на всего за мной охотится какой-то сумасшедший. Он мне звонит постоянно.

– Да ты что?!!

Маринка вмиг проснулась. Маньяк, несомненно, стоил ночного разговора.

– И что ему надо? – спросила она с невыразимым интересом, озаботившись, скорее всего, своей любимой темой.

– Пока не знаю, но мне это очень, очень, очень не нравится.

– Так может быть это твой тайный поклонник? – хихикнула простодушная дуреха.

– Да какой еще тайный поклонник! Я что, замужняя аристократка что ли?

– Ну, тогда шутник.

– Вот это ближе к теме. Да кто бы он ни был, он должен ответить за мои убитые нервные клетки. И ты мне в этом должна помочь.

– Да, как?

– Ты же говорила, что у тебя знакомый есть на телефонной станции, пусть выяснит, кто звонил по моему номеру сегодня ночью в два часа двадцать пять минут.

– Ну, я не знаю. Не так уж это просто.

– Марина, я в долгу не останусь. Последнюю рубаху не пожалею, только б избавиться от этой чертовщины.

– Я попробую, но не обещаю, – недовольно зевнула в трубку Маринка. – На всякий случай готовь бутылку приличного коньяка.

– Спасибо, ты настоящая подруга.

– Да ладно! Ложись спать.

– Спокойной ночи.

Я уснула лишь под утро, когда организм уже совсем обессилел. Но через час меня снова разбудил звонок, на этот раз будильника. Пора было вставать на работу. Лежа в постели, я безразлично рассматривала свое отражение в полировке письменного стола и сонно размышляла. Я думала о том, как ужасно болит голова после бессонной ночи, и о том, как не хочется идти на ненавистную работу, и о том, что теперь в моей пресной жизни появилась хоть какая-то горечь. Может это к лучшему?

Школа как всегда добавила несколько проблем, и я даже на некоторое время забыла о ночном звонке. Но стоило мне выйти за порог, как воспоминания эти, словно зубная боль, возникли снова. И почему это произошло именно со мной? А может быть именно со мной-то это и должно было произойти?

Вечером этого дня я с замиранием сердца дожидалась противно звонкого дребезжания моего старого телефона. Но не дождалась. Никто не звонил мне и ночью, хотя я все равно едва ли уснула более чем на час – два. Я досадовала на себя: случись нечто подобное с кем угодно другим, ну например, с той же Маринкой, стала бы она так беспокоиться? Да конечно нет! Забыла бы через полминуты. А я? Да что это со мной? Почему я такая мнительная? Или просто дура!?

Звонок все-таки раздался. Звонила верная подруга. Ей удалось выяснить кое-что у своего знакомого с телефонной станции. Но меня ожидало ужасное разочарование: оказалось, что той ночью, как утверждал автомат, мне никто не звонил.

– Надеюсь, ты не думаешь, что мне все это приснилось? – спросила я у подруги.

– Да, брось! – успокоила она меня. – Знаешь ведь, какая у нас станция допотопная, вполне возможен какой-нибудь сбой.

Тем временем начала приближаться пора экзаменов. Чужие проблемы, «хвосты», контрольные, зачеты вытеснили воспоминания о ночных звонках. Признаться, я даже была слегка разочарована.

Приближалось лето. Медленно, но верно. Это не могло не радовать меня, хотя я как всегда понятия не имела, как буду убивать отведенный мне законный отпуск.

Изредка я вспоминала и о психологе, а однажды все же решилась ему позвонить. У меня был вполне законный повод: я так и не получила от него счет, хотя за это время уже несколько раз платила по коммунальным счетам. А вдруг он неверно записал мой адрес и теперь думает, что я не собираюсь оплачивать его услуги?

В трубке раздался незнакомый голос, женский. Немного стусевавшись сначала, я все же попросила пригласить его к телефону. Я ведь звонила по делу, чего там.

– Здесь нет таких, – не очень вежливо ответили мне.

Я проверила номер, набрала еще раз, тщательно следя за цифрами. Тот же недовольный голос, и я сразу же нажала на рычаг. Удивительно. Опять какие-то странности. Звонок. Теперь уже звонили мне. Проклятье! У злобной тетки был определитель номера. Она сразу же выпалила:

– Чтоб вы не звонили в третий раз, сразу скажу: он уж два месяца как уехал отсюда. Так что номер можете вычеркнуть!

Не став дожидаться моего ответа (а я, собственно, отвечать и не собиралась), мадам положила трубку. Вот как! Наш уважаемый психолог сменил адрес, ничего не сообщив своим клиентам. Что ж, это не мое дело, я честно хотела расплатиться.

Однако нечто все-таки продолжало грызть меня изнутри. Со мной всегда так, надумываю себе чего-то. И я позвонила своей подруге:

– Не знаешь, куда пропал наш психолог? – как бы между прочим спросила я.

– Какой психолог?

Она уже и забыла. Ну, разумеется! Сколько у нее гостей перебивало, особенно тех, кто только один раз показывались.

– Ну, помнишь... Ну, тот, который курил постоянно.

– А, тот самый? – напрягала память Маринка. – Мне-то откуда знать, это ведь твой знакомый.

– Ты вечно все путаешь! Со своими знакомыми всегда к тебе приходит Варька, а мне, как правило, ты подыскиваешь... знакомых.

– Нет уж, Дрогина, извини, – она так с института меня и зовет по фамилии. – Я еще не совсем того! Я его, этого твоего психолога, и знать не знала до моего дня рождения. Он явился тогда, кажется, незадолго до твоего прихода и заявил, что твой друг и что ты его пригласила.

Маринка как всегда перебрала в тот вечер, и в мозгах у нее какие-то кривые линии, видимо, пересеклись не так, как надо. Спорить бесполезно, станет возмущаться.

– Ты все шутишь?

– Делать мне нечего! А зачем тебе он?

– Я же рассказывала тебе, что ходила на прием.

– Ну?

– А счет он так и не прислал. А когда я ему позвонила, оказалось, что его и самого след простыл.

– Вот гад какой! – возмутилась подруга.

– Почему же гад? Может быть случилось что-нибудь, ты не знаешь?

– А ты что, волнуешься?

– Я волнуюсь, потому что не хочу быть в долгу.

– А вдруг он и не собирался брать с тебя деньги? – предположила она.

– Угу, решил провести акцию милосердия и благотворительности? Знаешь что: я бедная, но гордая!

– Знаю, знаю.

– Тем более, я едва с ним знакома.

– Конечно!

Какое дело было Маринке до моих ничтожных волнений? Ее жизнь была настолько разнообразнее моей, что о таких мелочах, как неоплаченный долг или пропавший куда-то мало-знакомый человек, она и не задумывалась. Вот и об этом разговоре она забыла сразу же, как мы попрощались. Наверняка. А я? Мнительная особа...

И мне надо забыть. Все эти мысли мешают нормально существовать и работать. Еще немного и каникулы, отпуск. Этим можно было утешиться. Но...

Однажды уже перед самым концом учебного года вновь раздался звонок. Сначала в трубке слышалось молчание без единого живого звука кроме технических шумов телефонной станции. А после моего трехкратного настойчивого «алло» вдруг:

– Я по объявлению, – выпалили мне и, чтоб я не успела как-то возразить или спросить о чем-то, затараторили: – Я человек оригинальный, сразу скажу, люблю фантазировать. Ну, вы понимаете? Я хотел бы, чтоб вы приехали ко мне домой, адрес я вам скажу. А сколько стоят ваши услуги?

– Какие услуги? – спросила я, обрадовавшись, что наконец-то могу вставить слово.

– Как это, какие? Вот здесь в газете написано...

Кажется, он слегка растерялся. А я-то?!

– Что там написано? – строгим педагогическим тоном спросила я.

Он стал читать:

– «Молодая женщина неординарной внешности окажет услуги в вечернее и ночное время. Возможен выезд на дом». И телефон (он назвал номер), ваш?

– Мой. Но это ошибка, я таких объявлений не давала! – ответила я и быстро нажала на телефонный рычаг.

Как я была зла! Снова розыгрыш? Да что все сговорились?! Неординарной внешности?! Ну, это уже слишком!!!

В городе выходило не так много газет. И лишь одна из них была рекламной. Нужно было докопаться до истины и найти эту сволочь. Я отыскала среди многочисленного хлама в моей квартире старый экземпляр этого издания, нашла телефонный номер редакции. Ну, конечно! Они не дают такой информации. А хотите, я на вас в суд подам? Вы же позорите мое честное имя! Эту газету могут прочитать мои ученики! Ну, ладно, они проверят, нет ли ошибки. Так. Ошибки нет, указан именно этот номер телефона. А адрес? И адрес тоже мой... А паспортные данные? Они не требуют паспортных данных. А напрасно, между прочим! А, ладно...

Я оделась и вышла на улицу. Рядом с моим домом стоял газетный киоск. Ни к чему было покупать эту газету: нужно еще мне тратить свои деньги на разных там шутников! Я попросила посмотреть, ведь мне нужно было проверить лишь одно объявление. Продавец взглянула на меня из-под очков, презрительно хмыкнула, но все же дала газету, фыркнув только:

– Не испачкайте!

Я быстро нашла то, что искала, в рубрике «Услуги и предложения». Все верно – мой телефон и больше ничего. Никаких координат, по которым я могла бы вычислить мерзавца. Я собралась было уже свернуть газету, как вдруг наткнулась глазами на обведенное траурной рамкой объявление: «Если Вы хотите изменить свою жизнь, Вы откликнитесь на наш призыв... Ждем вас 24 мая по адресу...» Я не могла глазам своим поверить, здесь был адрес: улица, дом (частный, судя по всему, потому что не указывался номер квартиры). Та же галиматья, что и в том письме. Все ясно. Объявление дал этот псих и лишь для того, чтоб я увидела другое, вот это. Какое сегодня число? Двадцать третье, кажется, или уже двадцать четвертое?

– Милочка! Ты всю газету собралась прочитать бесплатно?! – услышала я гнусавый голос продавщицы.

– Я куплю, куплю, – полезла я в карман за кошельком. – Скажите только, какое сегодня число?

– Пятница, – буркнула тетка.

– Я же число спросила.

– Я что, справочное бюро?!

Я отошла в сторону от злобного киоска и достала из кошелька календарик. Пятница, двадцать четвертое... Сегодня. Конечно, это был расчет. Газета выходит по пятницам. Это всем известно. И что? Он думает, я клюну? Так.

Я добралась до своей квартиры, разложила на кухонном столе газету и уставилась в объявление, будто там можно было еще что-то отыскать между строк. Принялась размышлять. Первое, что пришло в голову: позвонить в милицию. И что сказать? Меня преследует маньяк? А чем докажу? Звонки? – Да это кто-нибудь шутит. Письмо, я его сохранила кажется... Но в нем не содержится никаких угроз. Вот эта газета. Полная ерунда: кто-то опять решил подшутить, такое часто бывает с объявлениями. Неужели мне идти одной? Но зачем мне идти? Кто сказал, что мне нужно туда идти? Да надо быть душой, чтоб не понять, что это воззвание предназначалось мне.

И я приняла глупейшее решение: пойти по этому адресу.

* * *

Хорошо, что сегодня хоть и пятница, но не тринадцатое. Вообще-то я не суеверная, но в такой ситуации всякий станет суеверным. Черных котов бы еще по близости не бродило.

Отыскивая в частном секторе тот самый дом, я не позволяла себя даже мысли о том, чтоб войти в него. Или я самоубийца? Просто найду, посмотрю на него. А впрочем, что на него смотреть? Зачем тогда идти, раз не собираешься действовать? И «за» и, «против» возникали в моей голове одновременно. Если не войду, то никогда не разрешится то, что не дает мне спокойно спать. А если войду? Могу и не выйти. Никогда...

Когда я вступила на ту самую улицу и начала присматриваться к нумерации домов, вдруг до меня дошло, что необходимо было хоть кому-то сообщить о том, куда направляюсь.

– Вот клуша! – обругала я саму себя вслух. – Хоть бы Маринке позвонила. Она бы меня наверняка начала отговаривать. Или чего доброго со мной бы увязалась. А впрочем, лучше бы увязалась, честное слово! Хоть какая-то поддержка. Не так страшно было бы, наверное. Нет. Все равно бы я не стала ее жизнь подвергать опасности. Скорее всего, поддалась бы на уговоры и не пошла никуда. А валерьянки надо бы...

Я разговаривала тихо сама с собой, не обращая внимания на удивленные взгляды редких встречных, успокаивала себя и медленно продвигалась к цели. Но то, что я не оставила хоть какой-нибудь знак, меня все еще беспокоило. И тут я увидела синий почтовый ящик, сиротливо торчащий на двух ножках возле одного из домов, и у меня возникла идея.

Я достала из сумки записную книжку и ручку, присела на корточки и начертала: «Я нахожусь в доме №31 по ул. 5-й Лиственной. Если я исчезну, поиски прошу начать оттуда. Дрогина Л.» Вырвав страничку из записной книжки, я погрузила ее в синюю щелку и двинулась дальше, отыскивая дом №31.

Нумерация домов на этой улице располагалась черт знает как. Возле дороги, которая скорее походила на сельскую, чем на ту, которая пролегает в черте города, улица обрывалась номером 25-ым, потом начиналась по другую сторону того же тракта уже 35-ым. Куда подевался целый десяток домов? Необходимо было спросить у кого-нибудь, но как назло ни единой живой души. Впрочем, через минуту мне удалось узреть работающую в своем огороде тетку. Я подошла к забору и спросила, где найти остальные дома, потом где найти конкретно номер 31, затем который час и есть ли поблизости магазин. В общем, я постаралась как можно лучше этой тетке запомниться, на всякий случай. Поплутав еще несколько минут, я его отыскала.

Ничем совершенно он не выделялся среди других рядом стоящих построек. Дом как дом, много зелени, яблони растут, сирень под окном, низкий палисадник, резные белые наличники. А что ты увидеть ожидала? Готический дом с привидениями?

Я осторожно подошла к редкому низкому забору, не боясь, что меня заметят, так как окна в этом доме были зашторены чем-то очень плотным. Войдя же в бесшумную калитку, я поняла, что в окнах вовсе не шторы: за стеклами отчетливо виделась непроницаемая кирпичная кладка. Тут уж мне совсем стало не по себе, если не сказать больше. Воображение стало рисовать жуткие картины.

«Все равно ведь будешь мучиться сомнениями, если не решишься и не войдешь, – внушала я себе. – Чертов узел нужно просто разрубить. Понятное дело: умирать не хочется... Но почему же сразу умирать?! Я слишком много смотрю телевизор. А чем еще заниматься в одинокие вечера? Клянусь, если выживу... Ну, вот опять мрачные мысли. Откуда этот фатализм? В общем, если все закончится хорошо, обязательно куплю себе новый современный телевизор».

Я заговаривала сама себе зубы, вернее сказать, пыталась отвлечь себя от страшных мыслей. Таким макаром и подобралась к двери. Нужно было уже решаться... За порог ни шагу!

Разговаривать только на улице! Я подошла к двери и занесла руку, чтоб постучаться. Несколько мгновений она так и парила поднятой, но...

– Дрогина Лидия Петровна? – услышала я голос позади и обернулась.

Один из двух одетых во все черное мужчин, стоящих по ту сторону калитки, обращался именно ко мне.

– Да, – ответила я. – Откуда вы меня знаете и что вам нужно?

– Долго же мы тебя искали! – сказал второй с какой-то странной торжествующей интонацией и резко распахнул калитку.

В тот же самый момент дверь дома раскрылась, высунувшаяся оттуда рука грубо схватила меня за плечо, в один миг затолкнула в темный коридор и тут же прикрыла дверь, щелкнув запором. Я оказалась в крошечной темноте лицом к лицу с незнакомцем, так и не поняв, что только что произошло.

– Скорее прочь от двери, они сейчас будут стрелять, – услышала я голос, показавшийся мне знакомым.

Не успела я хоть что-то сообразить, как послышались выстрелы, а в двери рядом со мной образовались две мелкие дырочки, пропускающие свет. Повторять мне было не нужно. Наверняка это была милиция, которая охотилась на этого маньяка, взявшего теперь меня в заложницы, но пуля, как известно, – дура. Поэтому я быстро последовала вслед за мужчиной вглубь дома, и вскоре мы скрылись за толстенной бронированной дверью.

Ошеломлена я была чрезвычайно, настолько, что даже не сразу поняла, кто меня похитил.

– Так вот кто вы на самом деле, знакомый незнакомец!

– Я вовсе не незнакомец для тебя, – сказал он.

– Мы уже и на «ты»?

– Да, и очень давно.

Предо мной стоял тот самый психолог. А я почему-то и не удивилась, увидев именно его, словно ожидала чего-то подобного. Или было это когда-то в моей жизни? Прошлой...

– Некогда выяснять, что к чему, – предупредил он меня.

За массивной кованой дверью послышалась приглушенная возня, железо стало содрогаться.

– Они нашли тебя, это сейчас самое главное. Я едва успел тебя перехватить.

– Они нашли меня? – спросила я, ненароком выдав своей интонацией весь свой сдерживаемый скепсис. – Я и не знала, что меня кто-то ищет!

– И хорошо, что не знала. А теперь без лишних вопросов – за мной. Иначе тебя ждут серьезные, очень серьезные неприятности.

Я осталась стоять там, где стояла, посредине совершенно пустой комнаты с ободранными дореволюционными обоями, единственным украшением которой было большое зеркало в старой бронзовой раме, висящее за моей спиной. Окон не было, на их месте располагались белые оштукатуренные прямоугольники. Свет исходил от единственной голой лампочки под потолком. Психолог засуетился возле какого-то кольца в полу, и вскоре я поняла, что кольцо это – ручка деревянного люка – тяжелого, судя по всему, люка, потому что поднять его стоило ему немалых усилий. Он не обращал на меня внимания, пока занимался им.

– Это милиция, да? – спросила я. – Или что-то еще? ФСБ, например? Ты что-то натворил? Что-то плохое? Отвечай!

– Этих людей ты вряд ли сможешь отнести к какой-либо из известных в этом мире силовых структур, – преодолевая тяжесть массивной деревянной панели, произнес психолог и открыл, наконец, люк.

С той стороны двери послышались громкие хлопки.

– Дверь они все равно не откроют, но вот-вот догадаются о зеркале. Давай быстро вниз!

– Смеешься!? И не подумаю! – отрезала я и отступила назад.

У меня появилась надежда, что он испугается и сбежит через этот самый лаз, а меня оставит. Я попятилась назад, пока не уперлась в стену, а вернее в зеркало.

– Не для того я проделал такой путь, чтобы отступить сейчас! Ты же сама мне этого не простишь потом, – проговорил он, внимательно глядя куда-то за меня. – Оглянись...

– Это розыгрыш, очень злой розыгрыш!

– Оглянись!

Теперь у меня самой появилась жгучая потребность оглянуться и посмотреть в зеркало. Но я убеждала себя, что это лишь прием, чтоб обхитрить меня, отвлечь внимание, убеждала до тех пор, пока не почувствовала легкий толчок в спину. И обернулась, скорее от неожиданности. Вместо своего отражения, я узрела в нем тех самых двоих с темными лицами. Я попятилась, не запаниковала и не вскрикнула даже, так была изумлена, потому что увидела, что один из них с той стороны просунул руку в черной кожаной перчатке и ухватился за раму. Психолог сильно дернул меня, и я просто рухнула в люк, пролетела вниз метра три, упала, ударившись весьма больно о рыхлый земляной пол. Он стоял еще наверху на лестнице, плотно прикрывая крышку и завинчивая что-то.

– Это что? Что это такое было?

– Быстро вставай, двигаться надо.

Как и куда можно было двигаться в крошечной темноте? И ничего я понять не могла: что за глупейшая ситуация? Почему так все не ясно? Все стало еще запутаннее, чем раньше, чем всего-навсего полчаса, да нет, двадцать минут назад! Во что я влипла? Куда теперь отправится моя тихая, скромная и неприметная жизнь? А отправится она к черту! Хочу ли я вновь оказаться в нормальном человеческом мире, за пределами всей этой чепухи и мистификации? Да хочу... Нет, не хочу. Но скорее бы уж все разрешилось!

Он тащил меня куда-то по узкому и сырому подземелью, крепко держа за руку. Я отрешенно следовала за ним, отталкиваясь от земляных стен, решив про себя только одно: вопросы я начну задавать только тогда, когда хоть что-нибудь увижу пред собой, хоть какой-нибудь свет. Невозможно спрашивать о чем-то, да просто сосредоточиться на своих мыслях, пусть даже и самых простых, когда кругом ни зги не видно. Все мысли подчиняются инстинктам, а главенствует среди них инстинкт самосохранения.

Свет хлынул внезапно из-за поворота. Меня занесло, я ударилась о земляную стену и сильно сомкнула веки. Мне их и открывать не хотелось. Несколько секунд я стояла, зажмурившись, и надеялась, что вот сейчас проснусь. Все это будет сном. Но вместо желанного пробуждения меня ожидал толчок в спину. Меня втолкнули в какой-то бункер за мощной стальной дверью, которая тут же основательно задрала. Психолог тяжело дышал, и я тоже едва переводила дыхание.

– Ну? – спросила я после того, как смогла отдышаться.

– Здесь мы в безопасности, – ответил он, хотя я не об этом спрашивала. – Впрочем, ты ведь не о том меня спрашивала?

– Ты как будто читаешь мои мысли, и мне это не нравится.

– Это вполне понятно.

– Пожалуйста, перестань.

– Я не умею читать мысли, но твои предугадываю, потому что слишком хорошо тебя знаю. Ты ведь никогда не говоришь то, что думаешь. Пока ты не в себе, я не могу считать тебя безопасной.

– Меня безопасной?! Да о чем ты? Это может быть я тебя заманила сюда дурацкими посланиями и газетными розыгрышами? И теперь ты мне говоришь, будто я для тебя небезопасна? Так это ты не в себе! Послушай, мне надое...

– Хочешь знать, что происходит?

– Разумеется!

– А все очень просто. Ты – это не ты. Ты вообще здесь быть не должна.

– Вот именно здесь я точно быть не должна. Что это за место вообще? Бомбоубежище?

– Ты не должна быть в этой жизни.

– В этой жизни? Что это значит? Меня нужно убить? Только хочу предупредить: я оставила о себе знать. Кое-кто знает, что я в этом доме!

– Ты об этой записке? – с сочувствием спросил мой спутник, достав из своего собственного кармана листок из моей записной книжки, а увидев мои округлившиеся глаза, поспешил объяснить. – Не пугайся, я говорю не о смерти. Ты живешь не своей жизнью, не своей судьбой. Ты взяла чужую жизнь, поступила не слишком вежливо. И кое-каким ребятам это не очень нравится. Хотя это дело десятое, разозлились они на тебя не только из-за воровства.

– Так они хотели убить меня?

– Они подослали к тебе убийц. Да если б и меня задели, не особенно расстроились бы... Мы с тобой повязаны крепко.

В помещении, в котором мы находились, было довольно светло из-за множества свечей. Я почувствовала боль в коленке, которой ударились, и опустилась на земляной пол. Больше присесть было некуда. Мой чокнутый собеседник проделал то же самое, усевшись напротив, и продолжил свое повествование:

– Так вот, ты прихватила то, что тебе не принадлежит – чужую судьбу.

– Это что, можно просто взять... руками? – довольно скептически спросила я.

– Можно. Вот смотри.

Он полез за пазуху и вытащил оттуда потрепанную колоду старинных гадальных карт, по одной начал раскладывать предо мной на полу. Едва заметные, стертые временем или чьими-то руками изображения являли собой различные человеческие фигуры.

– Вот это – сербская крестьянка, пятнадцатый век, трудное время... Это – испанская герцогиня, век семнадцатый, – объяснял он мне, раскладывая карты по одной. – Это корейская принцесса – одна из лучших карт, по моему мнению, самая интересная судьба. Еще финикийская служанка. Декадентская поэтесса – тоже забавно...

Я рассматривала антикварные картинки почти безучастно. Мне снова показалось нереальным все происходящее. Как будто бы мне предложили игру, правила которой я никак не могла понять.

– Как же я могла для себя выбрать такую жалкую жизненку, как моя теперешняя? – поинтересовалась я насмешливо.

– Тогда, видимо, ты руководствовалась иными мотивами.

– Откуда ты взял эти карты?

– Моя обязанность сохранять их.

– Понятно, – сказала я, хотя мне нечего не было понятно, да и понимать не хотелось. Но в голове стало возникать какое-то пока еще не ясное воспоминание. О чем-то или о ком-то очень знакомом, давно знакомом. Это ощущение, когда не можешь вспомнить что-то очень важное, было беспокойным и мучительным.

– Землевладелица из Афин, девчонка из индийской деревни, метеоролог из Антарктиды..., – продолжал он тем временем.

– Антарктиды?

– Для тебя сегодняшней это будущее.

– Хм... Сколько их всего у тебя?

– Это все. Восемь штук.

– Есть такая, где бы я не была хромой?

– Таких нет.

– Что, из восьми нет ни одной?!

– Сожалею. У каждой души есть свой особый признак, ее собственный, индивидуальный знак отличия, который всегда воплощается. У кого-то большое сердце, у кого-то шестой палец или горб. Это неизбежно.

– А у меня душа хромая... Вот умора...

– Так посмейся, тебе легче станет.

Смеяться мне не хотелось. Слишком я прониклась этой невероятной жалкостью своей серой жизненной карты в сравнении с теми, что лежали предо мной сейчас. И почему-то мой спутник перестал меня пугать. Я спросила:

– Скажи, как твое настоящее имя?

– Может сама вспомнишь? Здесь к тебе должна возвратиться твоя прежняя память. Мы у входа в Безвремяе...

Я посмотрела на него пристально. Что-то скользнуло в моем сознании, что-то совсем неуловимое, далекое, но до трепета знакомое. Виски заныли, стало очень больно, давление ударило по глазам. И тут меня обожгло словно вспышкой пламени:

– Гедеон!!!

Гедеон из расы хронидов – людей, живших еще до Великого оледенения и знавших тайну времени. Благодаря этому знанию они и смогли пережить, а вернее, проскочить ту страшную пору. Все они, также как и я, принадлежат к ордену протохронов. Гедеон – мой сподвижник и единомышленник. Самый надежный. Остальные мои последователи исчезли. Всего их было пятеро, и все они меня предали. Именно из-за них мне пришлось скрываться, выкраивая эту жизнь, самую, как тогда казалось, неприметную.

– Как ты меня отыскал? Как ты сумел!?

– Это было непросто. Я точно смог вычислить лишь географическое местоположение и приблизительный отрезок времени XX-XXI века.

– Недаром первое твое послание пришло ко мне напечатанным на машинке, произведенной еще при Николае II.

– Почти угадала. Тогда я был в 1918. Как вычислял – рассказывать долго, но сомневался, по правде сказать, до последней минуты. Много совпадало: звездная карта, начальная буква имени, хромота, но этого было недостаточно. Твое пусть неосознанное и смутное, но понимание того, что ты занимаешь не свое место и что тебе на самом деле уготовано что-то совсем другое, – вот это и убедило меня окончательно. Помнишь нашу последнюю встречу в том мире?

– Помню, конечно. Тогда ты и догадался?

– Да. И они примерно в то же время.

– Они разговаривали со мной. Все пытались выяснить, хочу ли я начать новую жизнь. Слишком затасканный метод.

– Самый действенный.

– И я ведь попалась!

– Не могла не попасться. Мне повезло, я опередил их на какую-то долю секунды.

– Странно, что они не стали действовать сразу, как только я сказала им «да» по телефону. Я ведь открылась: бери голыми руками.

– Наверное, они тоже хотели быть уверены до конца, Лун.

Теперь я уже и сама знала дорогу. Все вспомнилось как-то сразу, нахлынуло. От обилия новой, вернее старой, информации заболела голова. К тому же коленка этого тела, к которому я уже успела привыкнуть, все еще ныла. Это единственное, что я унесла из своей прошлой жизни. Как чувствует себя умерший, смотря на тех, кого оставил? Ему так же тоскливо и одиноко. Но я – иной случай. Такие, как я, не оставляют душевных привязанностей в прошлой жизни, чтоб не страдать. Ведь мы протохроны – те немногие избранные временем, которые помнят о своих прошлых судьбах.

Мне принадлежат восемь жизней, лично мне. Но однажды я прихватила себе девятую, чужую. И в ней потерялась без памяти. Тот, кому она предназначалась, наверное, не чувствовал бы себя в ней так же неудобно, как я. Гедеону непросто было отыскать меня. Но и карумионам пришлось понервничать. Это было сложным решением и особенно сложным из-за того, что пришлось принимать его в считанные секунды. Я слишком рисковала тогда, доверившись этим людям, которых считала своими верными последователями. И поплатилась за это.

Переход через Безвременье очень болезненный. Я должна буду лишиться этого тела вместе со всей его прошлой и будущей судьбой, и при этом сохранить память об этом чудовищном, ужасающем событии, событии, о котором обычные люди ничего не помнят, как и о своей прошлой судьбе.

– Ты уже выбрала карту? – спросил Гедеон, когда мы шли с ним по узкому коридору бункера Безвременья.

– Не все ли равно в чьем обличье предстать перед судом президиума.

– Волнуешься?

– О чем ты? Мне не впервой проходить сквозь Безвременье.

– Я о суде.

– Перед орденом я не считаю себя виновной. Наоборот, мне кажется, они сами меня толкнули на этот поступок. И эту карту я попрошу тебя им вернуть.

– Лун, Карум потребует твоей выдачи.

– Знаю. Но я сдаваться не собираюсь. Надеюсь, орден не выдаст меня. Хотя бы из уважения к отцу.

Мы подходили. Я остановилась перед дверью, за которой находился ось Безвременья. Никто из нашего ордена и ни одна живая душа не знала, как устроено это сооружение, если его вообще можно так назвать. Ось казалась видимой субстанцией из плотного темного газа, но только видимой человеческими глазами. Что же она представляет собой на самом деле, ощущаешь лишь внутри нее. Ощущаешь, но не узнаешь. Ничего о ее строении нам почти не известно. Это запретная тема для тех, кто имеет судьбу. Даже если он из ордена протохронов.

– Достань карты, я выберу сейчас любую наугад.

– Вот в этом вся ты, – сказал Гедеон почти с усмешкой.

Почти – потому что ирония была бы сейчас не уместна.

– Давай, – я вытянула первую попавшуюся под руку карту.

– Что там?

– Я снова отправляюсь в Библ.

– Только этого не хватало! Знаешь ведь, какая непростая это судьба? Выбери другую. Лишние заботы тебе сейчас не нужны.

– Гедеон, я уже выбрала. К тому же ты знаешь, что судьба почти всякий раз складывается по-иному... Лучше позаботься о том, что б я миновала на этот раз нежный возраст. Мне сразу же понадобятся взрослые мозги.

– Не беспокойся.

Я молчала и медлила. Нужно было еще кое-что сказать ему:

– Гедеон, я очень благодарна тебе за все. Ты многое сделал для меня. Когда все это кончится...

Я чувствовала некоторую неловкость, потому что не любила быть в долгу. А ведь Гедеон оказал мне огромную услугу только потому, что был верен мне, а не корысти какой-нибудь ради.

– Не считай себя моей должницей, – сказал он. – Ты же знаешь, ради чего все это...

Я подошла к оси Безвременья. Ее чрево еле слышно гудело. Главное было не думать, какая нечеловеческая боль вот-вот охватит все тело. И как тяжело сразу же будет душе. И какая

жестокая это будет тоска. И пусть чудовищная физическая боль прекратится через мгновение, потому что все телесные ткани, включая и нервные клетки, сразу же сторят, но тоска еще долго не пройдет. Это тяжелая тоска об утраченных близких душах, от которой плачут все младенцы, только что вновь появившиеся на свет, и о которой забывают они, приобретая новый опыт новой жизни. Эта тоска во мне умножена будет во сто крат. Не думать об этом я заставляла себя, оттягивая последние секунды. Прыгнуть со стометровой отвесной скалы в море было бы в тысячу раз проще. Я шагнула...

* * *

От солнца можно было спрятаться только в кедровой роще, что росла неподалеку от храма. Туда я и направилась, мечтая лишь о том, чтоб отдохнуть в тенистой прохладе, пока распорядитель работ не вернулся с рынка. Но лишь отойдя несколько шагов от ворот, я услышала за спиной:

– Лидали! Куда ты опять отправилась, бездельница?! У тебя что, нет никакой работы?!
Погоди!

Я не была почитательницей Аштарт, просто находилась в кабале у этого храма. Вот уже почти три года. Моя мать была вынуждена отдать меня. Впрочем, она не была моей матерью, а лишь женой моего отца. Но я ее не осуждала. Ей ведь нужно было кормить всех остальных своих детей. А я была взрослой, мне было уже 16 лет. Я могла работать и отрабатывать наши долги и делала то, что приказывал мне распорядитель.

Работа моя была монотонной: каждый день я выполняла в основном одно и то же. Готовила краску, красила ткани, сушила их, отглаживала. В маслодавилльне отжимала оливки для масла. Готовила еду для служительниц Храма Аштарт. Раз в луну мне приходилось вместе с другими служанками выполнять самую нетрудную работу: вылавливать на побережье морских улиток. Из них наш мастер при помощи какого-то секретного метода извлекал красно-фиолетовую краску для тканей. Этой краской мы окрашивали материю, за которой к нам съезжались купцы со всей округи. А кисти моих рук вот уже три года имели фиолетовый оттенок.

– Тебе бы только отлынивать от работы! – продолжал свои наставления храмовый распорядитель.

– Посмотрите на небо, уважаемый Сахап, – обратилась я к нему, как только он подошел ко мне.

– Что? – удивился он и задрал голову вверх.

– Вы увидите, – продолжила я, – что солнце поднялось уже очень высоко. Я же встала ото сна и принялась за работу, когда оно еще только край свой показало из-за горизонта. И каждый день я не прекращаю своих дел, пока оно не опустится в море. Так почему же вы зовете меня лентяйкой?

– Ты слишком разговорчива для служанки, Лидали. Я расскажу о твоём поведении матери!

– Моя мать знает, что кабала скоро заканчивается. И вы знаете. Скоро три года, как я служу здесь. Наш долг будет оплачен.

На это Сахап ничего не ответил. Он недовольно крякнул и, переваливая вою грузную тушу с ноги на ногу, направился на кухню. Сейчас он заметит, что печь почти потухла и разразится проклятиями. Ну, так и есть:

– Лидали!!!

Библ слишком суетливый город, и я не люблю бывать в нем. Храм наш стоит в пригороде, семья моя проживает в небольшом рыбацком поселке на берегу моря. Я с детства привыкла к покою и размеренному течению жизни. Даже попав в кабалу, я не слишком изменила привычки. Хоть здесь, в храме Аштарт, я видела гораздо больше людей, чем в своем маленьком

бедном поселке, мне не приходилось с ними вести разговоры или даже встречаться взглядом. Большинство из них были людьми небедными и считали оскорблением своего достоинства, если заговорят вдруг со служанкой. Я уж не говорю о жрицах. Впрочем, богиню плодородия и материнства почитали многие, кому она была нужна. И бедные, и богатые. Но ее милость к ним очень сильно зависела от количества пожертвований.

Но иногда мне все-таки приходится выходить на рынок. Сахап посылает. Бойкое место находится в самом центре города, и добираться туда довольно-таки далеко. Я выхожу обычно очень рано, стараясь успеть к тому времени, когда в городе не так много народу, но сегодня мне пришлось задержаться в храме из-за подготовки к обряду жертвоприношения. Какой-то богатый купец, один из тех, что покупает у нас пурпурную материю, готовил изрядную жертву, потому что его жена никак не могла родить наследника, а дочерей у него было четыре штуки. Мне приказано было вымести каменный пол так тщательно, как никогда, приготовить благовония и светильники, и лишь после этого позволили отправиться на рынок. Я досадовала, ведь придется теперь идти в самое пекло и в самое столпотворение.

Солнце, как назло, не скупилось на слепящие и жгучие лучи. Моя черная рабочая одежда так и притягивала их. Я просто задыхалась под покрывалом, хотя оно и защищало мою бедную голову от солнечного удара. В руках я несла огромную корзину, которая и без продуктов была тяжела, но ведь обратно мне придется нести ее наполненной специями и пряными травами. Я шагала по белой пыльной дороге мимо персиковых садов и оливковых рощ, что располагались в пригороде. Затем перешла на частично вымощенную дорогу, ведущую к центру города. Людей, повозок, верблюдов и лошадей со всадниками становилось все больше, воздух делался все горячее, и пыль поднималась вверх.

– Эй, ты, хромоножка! Прочь с дороги! – услышала я грозный окрик, смешанный с острым цокотом множества копыт по каменной мостовой.

Какой-то вельможа несся галопом в своей пышной повозке в окружении четырех всадников охраны. Один из них, размахивая плетью, мчался прямо на меня. Я метнулась в сторону, но, не успев отскочить, упала на пыльную дорогу. Едва не попав под колеса повозки, я чудом сумела славировать между лошадиными копытами. Один из всадников опробовал на моей спине свою плетку, но я даже не почувствовала ее жало, потому что очень испугалась, что меня раздавят или затопчут. Закрыв голову руками, я некоторое время лежала на дороге, и вдруг услышала, что повозка все же остановилась. Подняв глаза, я поняла в чем дело: моя корзинка, которую я в панике куда-то забросила, попала прямо между осями колес и заклинила их. Охранники вельможи разразились бранью, и я сообразила, что нужно очень быстро отсюда убираться.

Вокруг меня начала собираться толпа зевак. Всем было жутко интересно, что именно я себе покалечила. Я услышала даже первые предположения, а потом разочарованный гул, когда невредимая поднялась на ноги. Сбежать я не успела. Один из охранников вельможи подскочил ко мне и, схватив за руку, повел на суд к своему хозяину.

Пассажир повозки оказался весьма известным в Библе человеком, богатым купцом, одним из тех, кто имеет флот и торгует кедром с Египтом. Считалось, что золота у него столько, сколько нет даже у самого фараона. Еще бы: все богатства египетского владыки и его знати перекочевывали прямо в карман этого вельможи. С деревьями в Египте туго. Я видела его роскошную расписную повозку, запряженную двумя прекрасными скакунами, не впервые. Но вот разговаривать с таким человеком мне еще не приходилось.

– Преклони колени пред господином Омагани! – рыкнул охранник.

Я послушно поклонилась, дотронувшись до пыли под своими ногами. Но на колени становиться? С какой стати? Я не рабыня какая-нибудь! Хорошо хоть он остался удовлетворен и таким приветствием.

– Зачем ты кинулась под мою повозку? – лениво спросил купец.

– Я вовсе не кидалась. Вы наехали на меня, – стала оправдываться я, за что получила тычок кнутовищем в спину.

– Разве ты не слышала крик моей стражи?

Господин Омагани видимо очень скучал от своего богатства. Он пытался развлечь себя таким банальным происшествием, как попавшая под колеса его повозки простолюдинка. Зачем он начала задавать мне вопросы? Надеюсь, он полюбопытствует и только. И судьба моя пойдет уже по известному мне сценарию дальше. Мне ни к чему сейчас непредсказуемые повороты.

– Ты, может быть, еще и глухая? – снова спросил купец и хохотнул. Его смех поддержала и стража.

– Нет. Я все отлично слышу. Но ведь ваш возница и стражники несутся, не разбирая дороги. Кто угодно мог попасть под колеса. Мне еще повезло.

– Ты дерзишь мне?

Может быть, действительно, получилось немного непочтительно. Но уж слишком обидели меня его слова. Какой девушке в 16 лет не хочется выглядеть привлекательно. А тут – «хромоножка», а теперь еще и «глухая». В конце концов, не такая уж я и уродина, только вот правая нога подкачала...

– Могу я идти? – спросила я.

– Пстой!

Купец выглянул из тени своего балдахина, словно уж впрямь заинтересовался моей персоной. Я увидела его лицо и наряд и, признаться, и то, и другое произвели на меня впечатление. Купец был не дурен собой и довольно таки молод. Возможно даже это был один из старших сыновей того самого богача Омагани, а не он сам.

– Где ты служишь? – спросил он с нескрываемым вниманием.

Я забеспокоилась. Этот интерес явно был не к добру.

– В храме Аштарт.

– Ты служишь богине Аштарт? Я ни разу не видел тебя, хотя часто там бываю.

– Меня это не удивляет. Я ведь не присутствую на службах, а только по хозяйству помогаю. Я служанка, а не жрица.

– Ты и ткани красишь? – спросил он, обратив внимание на мои ладони.

– Да. И этим мне приходится заниматься. Наш распорядитель торгует пурпурной материей, как и многие в пригороде Библа.

– Что ты еще умеешь делать? – не отставал господин Омагани.

Да что за напасть? Что ему нужно? Какие-то зеваки уже начали останавливаться возле меня, чтоб послушать, о чем это такой важный купец беседует с простолюдинкой. Я же начала нервничать.

– Мне многое приходится делать: наводить порядок в храме, украшать алтарь перед жертвоприношением, готовить еду для слуг и рабов, собирать оливки, отжимать масло. В общем, мне легче сказать вам, чего я делать не умею, господин. Но простите, мне пора. Наш распорядитель будет сердиться. Позвольте мне уйти.

– Куда ты спешишь?

– Мне нужно успеть на рынок до закрытия и домой до темноты.

– Ты боишься темноты?

– Вовсе нет. Просто я хочу вовремя лечь спать, ведь завтра мне нужно будет подняться, как всегда, еще до восхода солнца.

Я уже начала потихоньку пятиться назад, давая понять купцу, что наш разговор пора закончить. Но не тут-то было. За моей спиной стоял один из его стражников, и я наткнулась на него. Снова повод для двусмысленного мужского гоготания. Ну, что за народ эти мужчины? Одинаковы во все времена.

– Разве тебе позволяли идти? – был задан мне вопрос.

– Но что вы от меня хотите? Зачем расспрашиваете меня? – не выдержала я неизвестности.

– Я подыскиваю служанку для своей жены, умную, толковую и работающую, – ответил мне господин Омагани. – Ты бы мне подошла. Что ты думаешь об этом?

– Я должна вас разочаровать, – вздохнула я облегченно. – Я нахожусь в кабале у храма и не могу нигде больше служить.

– Велика ли твоя кабала?

– Мне отрабатывать еще две луны.

– Это не помеха. Я могу тебя выкупить. Не так-то просто найти у нас в городе хорошую служанку, – сказал купец и добавил: – Я скоро снова буду в храме и найду тебя. Как твое имя?

– Лидали.

– Я запомню.

Больше он разговаривать не захотел, снова откинулся на спинку своего пышного сиденья и махнул рукой. Повозка двинулась дальше, набирая скорость и взметая пыль. А я так и осталась стоять посреди дороги, недоумеваю. Неужели на этот раз все пойдет совсем по-другому? Только этого не хватало!

На рынок я еще вполне успевала. Но мне необходимо было до него посетить еще одно место. На другом краю города располагалась школа: низкий дом, обмазанный глиной. В этой школе обучали письму детей тех горожан, кто мог за это заплатить. Все больше и больше финикийским торговцам требовалось грамотных людей. Они налаживали обширные связи с окружающими миром, продавая все, что росло и производилось на нашей земле: древесину кедра и дуба, пурпурные ткани, фрукты, оливковое масло, вино и рабов. Поэтому школа для писцов никогда не пустовала.

Я вошла в это покосившееся строение, заглянула в одну из комнат, в которой сидел учитель и его ученик, видимо, провинившийся.

– Простите, нельзя ли увидеть Аббака? – спросила я у старшего.

Он обернулся удивленно:

– Кого?

– Здесь служит Аббак, он главный писарь. Могу я его увидеть?

– Никогда не слышал о таком, – недружелюбно проворчал учитель, видимо в тон прерванному только что разговору с нерадивым школяром. – Главный писарь – я. И нас тут всего трое. И никого с таким именем я не знаю.

– Как?!

Я оторопела и отступила за порог. Может быть, я что-то перепутала? Нет. Я точно помню. В этом районе Библа только одна школа писцов... Или нет? Я снова заглянула в класс:

– Скажите, нет ли здесь поблизости еще одной школы, похожей на вашу.

В ответ на меня посмотрели, как на сумасшедшую, и все стало ясно без слов. Но где же мне теперь искать Аббака? И как я смогу связаться с президиумом ордена? Он ведь должен был вывести меня на членов президиума в этом времени и местности.

Аббак был уникальным человеком. Такой среди нас был всего один. Он был и хронидом, и протохроном. Как ему это удавалось, – присутствовать одновременно во всех своих жизнях, – об этом знал только он. Даже сами хрониды, как сказал однажды Гедеон, не знали и не помнили, как Аббак возник среди них. В те далекие времена, когда протохроны только начали организовывать орден и налаживать связи с Альгузаром и Карумом, он вдруг возник как их представитель в президиуме. Но потом... Кажется, он впал в опалу у гроссмейстера... Теперь он только проводник, но при этом совершенно незаменимый посредник между президиумом и простыми протохронами.

И теперь что-то пошло не так. Неужели и здесь вмешались псы Безвременья? Мне готовят западню?

Я стремглав выскочила из школы и помчалась на рынок. Уже начало смеркаться, и повозки торговцев разъезжались по домам. Я едва успела купить все, что необходимо, а торговщи с радостью сбывли мне залежавшийся к вечеру товар. Ну, вот. Снова будет нагоняй от Сахапа за несвежую зелень. А уж за испорченную корзину!

Уже совсем стемнело, когда я вернулась. Осторожно пробравшись на кухню, я поставила на пол корзину с продуктами. Никого не было. Распорядителю не хватило терпенья дожидаться меня, и он ушел спать. Отправилась к себе и я. Но уснуть было сложно, несмотря на то что подняться я должна была очень рано. Я размышляла над сложившейся ситуацией. Что-то в моей судьбе, в судьбе бедной финикийской служанки Лидали, пошло не так. Хотя бы взять этот сегодняшний разговор с господином Омагани. Где-то, в каком-то моменте времени, что-то свернуло не туда, и Аббак вдруг исчез. Нужно было подумать, где его искать. Через три дня состоится весенний праздник, и тогда Сахап отпустит всех слуг на несколько часов, чтоб погулять в городе. Возможно, мне удастся разыскать в этой толпе Аббака. А если не получится найти его, придется обходить все места, где работают писари. Как будто распорядитель меня отпустит! Надо будет выкраивать время. А для служанки, находящейся в кабале, это очень сложно.

Итак, я поставила себе три задачи: задача номер один – найти проводника; задача номер два – не попасться в руки карумионов и задача номер три, самая сложная, – созвать президиум и убедить его в моей невиновности. Пожалуй, не одну из этих задач я не могла бы назвать простой. Возможно, псы Карума уже напали на мой след. Теперь им гораздо проще это сделать: вся моя биография им известна. Но у человеческой судьбы случаются вариации, а порой даже и резкие и значительные повороты. Все равно придется им потрудиться.

Мне показалось, что я только что сомкнула глаза, а уже занимался рассвет и пора было вставать. Солнце еще не вышло, только выплеснуло на край неба пурпур, похожий на тот, что я развожу в большом глиняном чане. Разбитая и не выспавшаяся, я поднялась с постели и побрела на работу.

Под навесом, лишь наполовину огороженном глиняными стенами, чтоб воздух попадал в красильню, стояли три огромных чана. Об их содержимом я знала лишь то, что в одном была налита краска, в двух других – какие-то особенные закрепители. Все эти составы были чрезвычайно секретными, и потому их готовили без нас, служанок. Нам доверяли лишь сам процесс окрашивания, закрепления, сушки и глажки. Но и эта работа была очень тяжелой. Сероватого цвета рулоны лежали на лавках. Их привезли только вчера на нескольких телегах как раз перед тем, как я отправилась в город. Теперь нам предстояло их покрасить.

Несколько рабов разворачивали один рулон, от него отрезался большой кусок, но такой, который мог бы уместиться в чане. Стоя на деревянных лавках мы тщательно размешивали краситель длинными шестами, затем погружали в него ткань таким образом, что бы она равномерно легла и нигде не осталось никаких пятен, и начинали размешивать. Это длилось долгое время. Уже покрашенную ткань вынимали рабы, отжимали ее и перекладывали в другой чан. Пока она лежала в закрепителе, окрашивался другой кусок и так дальше. Процесс не заканчивался до самого вечера. Мы едва успевали что-то поесть, но от этих запахов аппетит был у всех плохой. Наш хозяин этому только радовался. Завтра часть из нас будет отправлена на глажку уже высохших тканей тяжелыми деревянными валиками.

Мы все, а я особенно, жили предвкушением трехдневного весеннего праздника, во время которого нам придется работать меньше, потому что распорядитель будет веселиться и ему будет не до нас.

После не слишком аппетитного от обилия посторонних запахов ужина, мне предстояло еще несколько дел, а я уже мечтала о сне. Эта мысль даже перебила ту, которая сегодня целый день у меня вертелась в голове. Во время праздника я собиралась отыскать Аббака, если только судьба не занесла его на этот раз в другое место. В последнее время все вообще шло не по плану. Но спать все же очень хотелось. Однако я с еще одной служанкой поплелась

в храм, чтоб приготовить все для приезда какого-то важного гостя. Он намеревался появиться у Аштарт первым, самым ранним утром. Вероятно для того, чтоб никто не мог услышать, о чем он собирается просить богиню. После тщательной уборки святилища и поливки всех клумб возле него нам разрешили отойти ко сну.

Так монотонно проходили эти дни. Не было той торопливости, к которой я привыкла в своей прошлой, хотя и чужой жизни 20 века. Я все еще вписывалась в ритм очередной своей судьбы, о которой уже многое знала. Я знала, что мне предстоит пройти многие испытания и выдержать страшные удары судьбы. Но теперь у меня появилась надежда на то, что возможно, Лидали удастся избежать всего этого. Ее судьба стала поворачиваться как-то по-иному. Но как бы то ни было, я должна была пройти ее путь до конца. Мой путь до конца. А если орден все же решит выдворить меня из своих рядов и выдаст карумионам, то эта жизнь станет для меня последней.

Но вот мы дождались праздника. Даже у нас на окраине с самого утра все гудело, шумело и веселилось. После того как был приготовлен завтрак и накормлены все слуги и рабы, мне было позволено сходить в рыбацкий поселок, чтоб навестить своих родных. Признаться мне не очень-то хотелось этого. Никого из моей настоящей родни там уже не осталось. И никто особенно не обрадуется моему визиту, ведь никаких гостинцев я принести не могу. Отрабатывая долги семьи, сама я не имела ни гроша.

У моих родных отца и матери я была единственным ребенком, но мать умерла от лихорадки, и я ее почти не помнила. Отец женился снова на моей теперешней мачехе, она родила ему троих погодков, а потом еще двойню. Бедному папаше не суждена была долгая жизнь. Он пропал во время шторма, и все решили, что рыбак утонул, когда на берег вынесло остатки его лодки. Но мачеха моя, женщина энергичная и расторопная, снова вышла замуж и теперь опять на сносях. Понятное дело, я была в их семье нежелательной обузой. Хотя справедливости ради надо сказать, что и моя мачеха, и мои сводные братья и сестры, никогда не испытывали ко мне ненависти. По крайней мере, никакого проявления ее я не замечала. Меня никогда не гнали из дома, хотя вполне имели на это право. Но когда новый муж моей мачехи занял денег на новую лодку, в кабалу без лишних раздумий отправили именно меня. Теперь же, когда долг был почти отработан, меня наверняка захотят выдать замуж.

Дети все же обрадовались моему приходу и высыпали встречать меня на порог нашей лачуги. Как ни говори, я им была не чужая, с самого рождения нянчилась с ними и очень часто бывала вместо матери. Они наперебой пытались сообщить мне какую-то новость, которая их потрясла, но ни единого членораздельного слова в визжащий детской разноголосице я не могла различить. В этот момент на пороге возникла их мать.

– Лидали, дочка! Хорошо, что пришла, – более ласковым, чем обычно, голосом произнесла она. – Тебя отпустили ненадолго?

– Так и есть, мама. Я зашла лишь повидать вас. Вы будете на празднике?

– Не знаю пока. Муж еще не вернулся из моря. Вчера вечером еще уплыл. Наверное, опять улов неважный.

– Как его новая лодка?

– Хорошо, Лидали. Лодка вполне неплохая. Но денег все равно не хватает. Дети растут. Через четыре луны появится еще один. Я хотела поговорить с тобой. Идем в дом.

– Может быть, пойти прогуляться к морю?

Мачеха ухватила за плечо самую старшую девчущку, восьмилетку, и строго приказала следить за младшими, пока она будет отсутствовать. Оборачиваясь несколько раз на пути к воде, она грозила детворе пальцем и устало вздыхала.

Мы подошли к кромке берега и уселись на камни. Я не знала, о чем собирается говорить со мной мачеха, и меня это настораживало. Судя по ее виду, у нее были важные новости. На всякий случай я предупредила:

– Начните с самого главного, мама. У меня немного времени...

– Хорошо, Лидали. Так и сделаю. Сразу скажу. Вчера к нам приезжал слуга очень важного господина. И мы вели речь о тебе. Тебе неслыханно повезло и нам тоже. Этот важный богач где-то видел тебя и хочет взять служанкой к себе в дом. Он хочет выкупить тебя из кабалы сразу после праздника.

Тут я вспомнила о купце, под чью повозку едва не попала. Стало ясно, что теперь моя судьба поворачивается совсем по-другому. Но как он узнал о моей семье?

– Он не сказал, откуда ему известно о вас и о том, где вы живете?

– Он побывал в твоём храме, и этот толстый распорядитель...

– Сахап?

– Возможно, он и поведал ему о том, кто ты, откуда и где найти твою семью.

– А мне этот увалень ничего не рассказал, хотя сегодня утром, чтоб навестить вас, я отпрашивалась у него. Так зачем этот слуга приходил к вам?

– Он дал нам денег.

– Он отдал задаток?

– Да. Деньги я оставлю себе. Тебе ведь и так повезло. Ты будешь жить в богатом доме!

Я-то надеялась, что встреча с купцом пройдет незаметно для моей судьбы. Ладно. Допустим, он решил, что я хорошая служанка, но по каким таким признакам? Я ведь, словно тетеха нерасторопная, едва не попала под его колеса. Нет. Он заинтересовался мной, когда услышал, что я служу в храме Аштарт. А может быть его привлекла моя молодость? Я не уродина. Хотя... В 16 лет имея мудрость нескольких прожитых поколений, нельзя тешить себя напрасными иллюзиями. У такого богача не могло быть недостатка в молоденьких красавицах и помимо его законной жены. Значит здесь что-то другое. Что ж, поживем – увидим. Только бы не было хуже, чем в прошлый раз...

Придя назад в храм, где уже полным ходом шли приготовления к празднику, я в первую очередь отправилась разыскивать распорядителя. Я хотела выяснить: почему он ничего не рассказал мне о выкупе. Только его нигде не было. Вот так всегда! Мечтаешь не увидеть его больше никогда – так он всегда появляется в неподходящий момент. Зато теперь пропал невесть куда. И кого не спроси, никто не знает, где может быть этот боров.

Ну, тем лучше. Значит, мне можно пока ничем не заниматься. Я уселась в тени дерева и прислонилась спиной к стволу. Согласно закону подлости он сразу должен был появиться. Так и случилось. Сахап выплыл из-за угла, вальяжно переваливая свои жирные бока под серой холщевой туникой. Я смотрела на него призывно, удивляясь, почему он не подойдет ко мне и не спросит, что это я, бездельница и лоботряска, как всегда лодырничая. А ведь он явно меня заметил. Что за чудеса? Пришлось встать самой.

– Господин распорядитель!

Я подбежала к нему и встала, загородив дорогу.

– А, это ты Лидали? – вскинул он брови, словно только что меня увидел.

– Вы, кажется, забыли определить для меня работу на сегодня.

– Да, – сказал он. – Ты только что пришла из своего родного поселка. Как поживают твои родные?

– Хорошо поживают.

Что за дела?!

– Я рад.

– Моя мачеха поведала мне кое-что.

– Что же?

– Оказывается, меня хотят выкупить из кабалы после праздника.

– Ну, вот ты все и знаешь! – обрадовался Сахап и хлопнул себя по толстым бокам.

– Да, нет! Я ничего не знаю. И ничего не понимаю. Почему мне никто ничего не сказал? Я радоваться должна или сетовать на судьбу?

Распорядитель возложил свою пухлую ладонь на мое плечо и произнес с улыбочкой:

– Ну, конечно, радоваться. Деньги за тебя уже внесли. Так что сегодня ты точно можешь не работать. Отправляйся на праздник...

Ну, что ж. У меня должна была начаться новая жизнь, о которой я ничего не знала. Но до нее оставалось еще целых полдня, а может и больше, поскольку не известно, когда за мной прибудет слуга господина Омагани. А пока я решила с пользой провести подаренные судьбой свободные часы и попытаться разыскать Аббака. Ох, иголку в стоге сена...

Если он все еще оставался в Библе, значит, должен был появиться на празднике. Если он вдруг стал бедняком, то наверняка его можно будет отыскать на центральной площади, где после полудня ожидалась акция щедрости: богачи раздавали всем желающим хлеб. Если же его там не найду, тогда поищу на ярмарке. Возможно, он будет либо среди торговцев, либо среди покупателей. Не повезет там – останется еще один шанс: завтра, в главный день Аштарт, почти весь город будет возле нашего храма. Каждый пройдет мимо алтаря, одаривая богиню и молясь о своем. Только бы Аббак был в Библе!

Само собой, отправляясь на раздачу хлеба, я собиралась не только разыскивать протохрона. Никогда в этой жизни я не ела досыта. Толпу, особенно толпу бедняков, я не любила, само собой, но – что делать? Под однообразные звуки духовых многие стояли возле мостовой в ожидании подачи. Слуги важных господ, потратившихся в праздник на городскую бедноту, восседали разодетыми на слонах, которые тоже не уступали своим пассажирам в роскошном убранстве. Блестящие попоны их свисали до земли, а морды были раскрашены разноцветными красками. Глазея на все это яркое представление, бедняки не сразу понимали, что хлеб, что летит к ним, сделан из самого никудышного зерна.

Моя интуиция говорила мне сейчас, что Аббак должен быть среди этой толпы. Именно здесь. Я верила ей, и потому смотрела во все глаза не на красочное шествие, вырастающее с другой стороны улицы, а на окружающую меня толпу, начинающую все больше волноваться и раскачиваться.

Наконец, волнение достигло апогея. Роскошные слоны подошли, и в орущую толпу полетели круглые черствые лепешки. Некоторые из них больно ударили нищету по голове, рукам и прочим незащищенным частям тела, но бедняки не замечали этого и радовались праздничному подаванию. Мне тоже удалось поймать несколько грязно-серых лепешек. Я сунула их за пазуху и начала очень медленно пробираться на другую сторону улицы, чтоб там продолжить поиски. Я разглядывала каждого, кто хоть чем-то напоминал мне Аббака. Но самого его я не находила. И странно: я не могла отделаться от чувства опасности, мне казалось, что за мной кто-то следит. Я оглядывалась на толпу, искала эти колючие глаза. Неужели карумионы? Нет. Не может быть. Слишком быстро...

На всякий случай я решила уйти с площади и продолжить поиски на ярмарке. Оторвав от жесткой лепешки кусок, я зашагала окольными путями к базарной площади, жуя и с опаской оглядываясь по сторонам. На одной из улочек настолько узких, что на них вряд ли могли бы разъехаться два нагруженных осла, кто-то окликнул меня. Очень тихо, но я услышала, вздрогнула, испугавшись, и прижалась к шершавой глиняной стене забора.

– Кто здесь?!

– Лун, – снова тихо позвали меня.

Это мог быть лишь кто-то из протохронов, никто ведь больше не знает моего тайного имени. Да еще вот карумионы...

– Аббак? Это ты?

– Никаких имен, – услышала я уже несколько более отчетливую речь.

Я замерла, догадавшись. Насторожила слух и мышцы, приготовившись в случае чего бежать со всех ног.

– Я слушаю.

– Не ищи меня. Не пытайся связаться со мной и не выходи на связь с президиумом.

– Я и не могу выйти с ним на связь. Где протохроны?

– Не ищи их.

– Почему?!

– Не спрашивай.

Голос доносился откуда-то сзади. Я догадалась, что Аббак стоял за той дверью, что была неподалеку от меня.

– Карумионы нашли меня? Они уже здесь?

– Они готовят тебе ловушку. Но самих их ты не увидишь.

– Какую ловушку?

– Никто из нас не станет пятнать свою репутацию из-за тебя. Ты всегда была неблагонажной, Лун. Никто не будет защищать тебя. Все теперь лишь в твоих руках.

Это было последнее, что я услышала от него. По ту сторону стены раздался скрип другой двери, через которую Аббак вышел и скрылся от меня навсегда. Я осталась одна. Меня бросили на съеденье карумионам. Что ж, спасибо хоть, что предупредили о ловушке, хотя и не сказали где ее ждать. Наверное, и не могли сказать. Вот почему судьба Лидали повернулась по-иному. Теперь все только в моих руках.

Сон не шел ко мне этой ночью. Да и откуда ему было взяться? Сны – привилегия людей не помнящих и не знающих о своем давнем прошлом. В своих снах они могут угадать свое будущее. А я? Сама себя загнала в ловушку. Тупик. А может сдать псам Безвременья? И пусть будет суд. Но ведь я знаю, каков будет вердикт. Мне нет оправданья. Я слишком много знаю. Они мне этого не простят.

Рассвет занимался, но я не спешила подниматься с постели. Больше я храму не принадлежала. Мне нужно было лишь дождаться слугу моего нового хозяина. Но прибудет он, скорее всего, уже после праздника, кульминация которого ожидалась именно сегодня. Не исключено, что я смогу посмотреть на ритуал гораздо ближе, чем раньше, и возможно разглядеть среди важных персон и господина Омагани. Я лежала на своей постели, наслаждаясь недолгим моментом свободы и лени. В такие минуты особенно жалеешь, что время имеет свойство утекать.

Все же я поднялась. Побродила по суетливому двору, заглянула в храм: везде шли приготовления к чествованию Аштарт. Увидев Сахапа, я подошла к нему и спросила, скоро ли прибудет слуга моего нового работодателя. Он пробурчал что-то невнятное и отвернулся от меня, отдавая наставления. Мне пришлось отойти, докучать ему я по старой привычке не хотела. А он потерял ко мне интерес, получив положенную сумму.

Почему я себя так неуютно чувствую, когда не надо работать? Слуги и служанки, с которыми еще вчера была на равных, сегодня смотрят на меня то ли с завистью, то ли с ненавистью. Это неприятно. Но совсем скоро я забуду о существовании этого храма. А сегодня я побываю на празднике Аштарт не в качестве прислуги, а в качестве гостыи.

Я отправилась к парадному входу в храм. Там уже стояло несколько повозок богатых и не слишком, толпились гости, мужчины, женщины, дети... Я обошла их стороной и остановилась позади, ожидая открытия праздника. В своем новом статусе я была здесь впервые. Отчего-то меня вдруг охватило волнение. Хотя возможно это было предчувствие. Беды? Но что могло ее предвещать?

Я подошла чуть ближе и оглядела толпу. Она стала больше. Мог ли кто-то из этих людей быть карумионом? Узнал ли он меня? Что за беспокойство? Это неспроста. И вдруг кто-то схватил меня за плечо. Я вздрогнула от неожиданности.

– И на тебя, Лидали, пусть снизойдет благодать великой Аштарт! – обратилась ко мне помощница одной из жриц и надела мне на шею венки из жасмина.

Это удивило меня, и я смогла лишь тихо произнести «спасибо». Глаза служанки взглянули на меня с жалостью, она пошла дальше, раздавая венки и «благодать великой Аштарт».

Пульс в моих висках усердствовал. Я была готова пуститься бежать, но не могла быть уверена в том, что они только этого и ждут. Я озиралась вокруг, понимая, что угроза могла исходить от кого угодно, даже от этого слепого на один глаз старика или от этого мальчишки-подростка. Опасность я ощущала кожей и всеми внутренностями. Под ногой моей очутился камень, небольшой и круглый, я подняла его. Это успокоило меня, но совсем чуть-чуть. Если кто-то из слуг карумионов набросится, я ударю его и выиграю немного времени.

Но никто не набрасывался и даже не смотрел в мою сторону. Взгляды всех людей были устремлены на ступени храма, где жрицы производили магические ритуалы, танцевали и пели, призывая Аштарт одарить всю эту толпу своей благодатью.

Время вяло протекало, а я устала от постоянного напряжения глаз и сознания. Толпа у храма стала преобразовываться в очередь. Теперь наступило время приношения даров Аштарт. Каждый вносил свою лепту, кто чем был богат... У меня не было ничего, но я искренне полагала, что ничего не должна этой богине. По крайней мере, не в этой жизни. Поэтому я отошла в сторону, не зная, что еще мне делать и куда пойти. Но в это время одна из помощниц жриц, заметив меня, сообщила, что за мной прибыли и ожидают во внутреннем дворе храма. Я вздохнула, – ну, наконец-то, и отправилась туда.

Двор был пуст. Надо мной явно подшутили. Я выругалась в сердцах, но на всякий случай все же осмотрела внимательней все тенистые углы. Нет. Ни души. Остановившись посреди залитого солнцем двора, я прислушалась не только к тем звукам, что могли бы мне что-то подсказать, но и к своей интуиции. А она, как назло, молчала.

Скрипнула дверь, из проема высунулась голова:

– А, ты здесь? – спросила она удивленно. – Тебе не сказали, что тебя уже давно ждут в красной комнате?

– Нет, не сказали... В красной комнате? Почему там? Мне ведь туда нельзя.

– Можно теперь...

Я не могла разглядеть из-за яркого солнца того, кто пришел за мной. Он только рукой махнул призывно и снова скрылся за дверью. Мне пришлось последовать за ним почти наугад, прислушиваясь к его шагам. Расположения здешних комнат я не знала и не могла знать. Здесь располагались личные покои жриц и сокровищница. Красная комната служила парадной гостиной в нашем храме, потому я и удивилась, что меня зовут именно туда. Поговаривали также, что где-то здесь располагался еще один алтарь, но никто из знакомых мне слуг не видел его. Неужели посланника Омагани принимают на таком уровне? Ну, ведь не сам же вельможа явился за своей служанкой?

На лестнице было темно, только откуда-то сверху падал тусклый желтоватый свет. Поднимаясь все выше, я прислушивалась к голосам наверху. Казалось, что там собралась целая толпа, и я слышу ее шепот, но как не вытягивала шею, ничего не могла разглядеть.

Истинная картина открылась мне лишь на самом верху. Прямо передо мной вдруг возникла сама верховная жрица, высокая, статная и ослепительная в своем золотом наряде. Позади нее стояли не меньше десятка служанок и слуг. Здесь же по правую и левую ее руки находились младшие жрицы. Все они так торжественно смотрели на меня, что сразу стала понятна моя злая участь. Тут же я заметила стоящего у стены господина Омагани, чье темное одеяние почти сливалось с мрачным колером каменных стен. Убежать было невозможно, потому что позади меня возникли тени стражников храма. И все же я попятилась, но через секунду почувствовала кожей спины острую сталь и остановилась. Надменно глядя поверх моей головы, жрица изрекла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.